

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М87

Otessa Moshfegh
MY YEAR OF REST AND RELAXATION

Copyright © Otessa Moshfegh, 2018

Перевод с английского *И. Гиляровой*

Художественное оформление *А. Ивановой*

Мошфег, Отесса.

М87 Мой год отдыха и релакса / Отесса Мошфег ; [пер. с англ. И. Гиляровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100548-1

Целый год сна.

Целый год кошмаров, трипов и непрерывного релакса.

Ее, молодую, красивую выпускницу престижного университета с работой «не бей лежачего», все достало. Она должна быть счастлива, но у нее не получается быть счастливой. Ей срочно нужен как минимум год отдыха. У нее есть доступ ко всем существующим таблеткам, прописанным странноватым доктором, и деньгам, полученным по наследству от покойных родителей. Ей нужно вылечить голову и сердце. И решить — куда идти дальше.

«Мой год отдыха и релакса» — это «Обломов» нового поколения, с антидепрессантами, психоаналитиками и токсичными отношениями.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100548-1

© Гилярова И., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящаю Люку.
Моему единственному.*

Если ты хитер, или богат, или удачлив,
Ты можешь нарушать установленные людьми законы.
Но сокровенные законы души
И всем известные законы природы
Не может нарушить ни один человек,
Нет, не может ни один...

Джони Митчелл.
Волк, который живет в Линдси

Глава первая

Когда бы я ни просыпалась, среди ночи или днем, то, шаркая, проходила через светлый мраморный холл своего дома, шлепала один квартал по улице, сворачивала за угол и заходила в бакалейную лавку, которая никогда не закрывалась. Брала два больших кофе со сливками и с шестью порциями сахара, проглатывала первый стакан кофе в лифте, поднимаясь к себе в квартиру, а второй пила не спеша — смотрела фильмы, грызла мелкое печенье в виде фигурок зверушек и принимала тразодон, и амбиен, и нембутал, пока не засыпала снова. Так я утратила представление о времени. Шли дни. Недели. Минуло несколько месяцев. Иногда, впрочем, я заказывала что-нибудь из тайского ресторана, находившегося на противоположной стороне улицы, или салат с тунцом из гастронома на Первой авеню. Я пробуждалась и обнаруживала в сотовом голосовые сообщения из парикмахерских или спа-салонов, подтвер-

ждавших время моего визита. Видимо, я записывалась к ним в полусне. Я добросовестно звонила и все отменяла; я ненавидела это делать, поскольку ненавидела разговаривать с людьми.

В самом начале этой фазы я меняла постельное белье раз в неделю и отправляла в стирку грязное. Меня успокаивало шуршание рваных пластиковых мешков на сквозняке в гостиной. Я любила вдыхать запах свежих простыней, когда засыпала на софе. Но через какое-то время мне показалось слишком хлопотным собирать грязное белье, одежду и запихивать в бельевой мешок. Урчание же моей собственной стиральной машины тревожило сон. Тогда я стала просто выбрасывать свои грязные трусики. Все мое старое нижнее белье почему-то напоминало мне о Треворе. Одно время меня доставала назойливая сеть «Виктория секрет» — оттуда в прозрачном пластике присылали сексуальные тонги цвета фуксии или лайма и ночные рубашки в стиле тедди или беби-долл. Я запихивала эти маленькие упаковки в шкаф и ходила без нижнего белья. Случайная доставка (я не помнила, чтобы делала заказ) от «Барни» или «Сакса» обеспечила меня мужскими пижамами и многим другим: кашемировыми носками, футболками с графическим узором и дизайнерскими джинсами.

Я принимала душ от силы раз в неделю. Я перестала выщипывать брови, осветлять волосы,

перестала делать эпиляцию воском, перестала причесываться. Никаких увлажняющих кремов и скрабов. Никакого бритья. Я нечасто выползала из квартиры. Я подключила автоплатеж для всех своих счетов. Я заранее перевела годовой налог на недвижимость за свою квартиру и за старый дом моих умерших родителей. Деньги от арендаторов этого дома каждый месяц поступали на мой текущий расчетный счет. Я числилась безработной, каждую неделю звонила в специальную роботизированную службу и нажимала цифру 1, что означало ответ «да» на стандартный вопрос, действительно ли я пыталась найти работу. Пособия хватало на покрытие требующейся от меня суммы на оплату всех лекарств и на кофе из бакалейной лавки. Плюс к этому еще существовали инвестиционные средства. Финансовый консультант моего покойного отца следил за ними и присылал ежеквартальные отчеты, которые я никогда не читала. У меня также была куча денег на сберегательном счету — достаточно, чтобы прожить несколько лет, пока я не предприму что-нибудь кардинальное. Помимо всего, я могла воспользоваться внушительным кредитом по карте «Виза». Так что причин беспокоиться о деньгах не было.

Я вошла в «спящий режим» в середине июня 2000 года. Мне было двадцать шесть лет. Сквозь сломанную планку жалюзи я видела, как умира-

ло лето и напелзала холодная и серая осень. Мои мышцы усыхали. Простыни на постели пожелтели, хотя обычно я засыпала перед телевизором на софе с обивкой в сине-белую полоску. Когда-то я купила эту софу в высококлассном салоне «Потери барн», а теперь она стала продавленной, и ее покрывали пятна пота и кофе.

В часы бодрствования я почти ничего не делала, только смотрела фильмы. Я не могла смотреть обычные телепрограммы. Особенно в самом начале. Телик слишком будоражил меня, я, словно маньячка, хватала пульт, щелкала кнопки каналов, хмурилась и злилась. И ничего не могла с собой поделать. Единственные новости, которые я была в состоянии читать, — это сенсационные заголовки в местных газетах, валявшихся в бакалейной лавке. Я быстро просматривала их, пока платила за кофе. Буш против Гора в президентской гонке, умер кто-то важный, похищен ребенок, сенатор стырил деньги, известный спортсмен бросил беременную жену. В Нью-Йорке что-то происходило — там всегда что-то происходит, — но это никак не касалось меня. Для меня существовало лишь блаженство спячки, а реальность отступала на задний план и затрагивала мое сознание так же мимолетно, как фильм или случайное сновидение. Ведь очень легко игнорировать то, что тебя не заботит. Бастовали служа-

щие подземки. Налетел и выдохся ураган. Мне все равно. Город могли захватить инопланетяне или тучи саранчи, и я заметила бы это, но меня подобное совершенно не тронуло бы.

Если мне требовались новые пилюли, я выбиралась в аптеку «Райт эйд», что в трех кварталах от дома. Болезненное мероприятие. Я шла по Первой авеню, и все во мне сжималось. Я была словно новорожденный ребенок — мне причиняли боль свет и воздух, весь мир казался враждебным, все резало глаза. Я полагалась на алкоголь только в дни таких вылазок — стаканчик водки перед выходом, потом я шла мимо маленьких бистро, кафешек и лавок, куда заглядывала прежде, когда еще делала вид, будто веду нормальную жизнь. Во всех прочих ситуациях я старалась ограничивать свои передвижения радиусом одного квартала от моей квартиры.

В бакалейной лавочке работали молодые египтяне. Помимо моего психиатра доктора Таттл, подруги Ривы и консьержей в моем доме, египтяне были единственными, кого я регулярно видела. Все они были в какой-то степени красивыми, а некоторые даже очень: квадратные подбородки, черные брови-гусеницы, орлиный взор. Их было с полдюжины — скорее всего, родные братья или кузены. Их стиль жизни меня отталкивал. Они носили футболки, короткие кожаные

куртки, кресты на золотых цепях и слушали поп-музыку по радио Z100. И у них не наблюдалось абсолютно никакого чувства юмора. После моего переезда в этот квартал они поначалу заигрывали со мной, причем весьма навязчиво. Но когда я начала появляться с непромытыми глазами и корками на губах в уголках губ, они перестали мной интересоваться.

— У тебя тут что-то прилипло, — сообщил мне однажды утром один из этих египтян, стоявший за прилавком, и длинными коричневыми пальцами указал на свой подбородок. Я только отмахнулась. Позже я обнаружила, что на моем лице коркой запеклась зубная паста.

Несколько месяцев египтяне вяло, полусонно опекали меня, а потом стали звать меня «босс» и с готовностью принимали мои пятьдесят центов, когда я просила продать одну сигарету, что делала довольно часто. Я могла бы ходить за кофе в другие места, выбор велик, но мне нравилась эта лавка. Она находилась близко, кофе там был довольно плохой, но мне не хотелось сталкиваться с людьми, заказывающими бриоши или латте без пены. Здесь не было никаких сопливых детишек или шведских гувернанток. Никаких стерильных профессионалов, никаких влюбленных парочек. Кофе в этой лавке предназначался для рабочего класса: консьержей и разносчиков,

водителей автобусов и экономок. Воздух там был тяжелым от запаха дешевых чистящих средств и сырости. Я могла облакачиваться на запотевшие морозильные камеры с мороженым, леденцами на палочке и пластиковыми стаканчиками со льдом. Над прилавком, за дверцами из прозрачного плексигласа, хранилась жвачка и сладости. Тут не менялось ничего: аккуратные ряды сигарет, рулоны скретч-карт, двадцать брендов бутилированной воды, пиво, хлеб для сэндвичей, отделение с мясными продуктами и сыром, которые никогда никто не покупал, лоток с черствыми португальскими роллами, корзинка с упакованными в пластик фруктами, целая стена журналов, которых я избегала. Я не хотела ничего читать, кроме газетных заголовков. Я шараялась от всего, что могло затронуть мой интеллект либо вызвать у меня зависть и волнение. Я жила, зарыв голову в песок.

Время от времени у меня в квартире появлялась Рива с бутылкой вина и заявляла, что хочет составить мне компанию. Ее мать умирала от рака. Это было одной из причин, почему мне не хотелось ее видеть.

— Ты забыла, что я приеду? — вопрошала Рива, протискиваясь мимо меня в гостиную, и включала свет. — Ведь мы договорились вчера, неужели не помнишь?